

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

1867 года. № 17. Сентября 1.

ПУТЬ СВ. ИГНАТІЯ БОГОНОСЦА

ОТЪ АНТІОХІИ ДО РИМА.

(Окончаніе.)

„Старайтесь чаще собираться для Евхаристіи и славословія Бога. Ибо если вы часто собираетесь вмѣстѣ, то низлагаются силы сатаны, и единомысліемъ вашей вѣры разрушаются его гибельныя дѣла. Нѣтъ ничего лучше мира, ибо имъ уничтожается всякая брань небесныхъ и земныхъ духовъ ¹⁾— „Утверждайте себя, — писалъ онъ къ Траллійцамъ, — взаимно въ вѣрѣ и любви. Не подавайте повода язычникамъ, чтобы изъ за немногихъ неразумныхъ не было хулимо все благочестивое общество ²⁾“. — „При единеніи вашемъ, писалъ онъ къ Филадельфійцамъ, еретики не будутъ

¹⁾ Игнатія къ Ефесъ, гл. V, VIII. — Сл. Магнес. 1.

²⁾ Послан. къ Тралл., гл. VIII.

имѣть мѣста ¹⁾“.—Такимъ образомъ церковное единеніе вѣрующихъ, въ духѣ единообразной вѣры, взаимной любви и законосообразности, уничтожаетъ, по словамъ Св. Игнатія, въ обществѣ христіанскомъ всякую брань небесныхъ и земныхъ духовъ (то есть еретиковъ), между тѣмъ какъ изъ за раздѣленія хулился все благочестивое общество христіанъ даже у язычниковъ. Памятники древнеотечественной письменности подтверждаютъ, что слова Игнатія о важности церковнаго единенія высказаны имъ въ виду совершившихся и совершавшихся тяжелыхъ для церкви фактовъ, то есть церковныхъ расколовъ и раздѣленій. Довольно, для подтвержденія этого, обратить вниманіе на одинъ крупный фактъ въ этомъ родѣ, когда не болѣе, какъ за 10 лѣтъ до мученической кончины св. Игнатія, въ Коринѣ ^(Сейгородѣ) „немногіе дерзкіе и высоко-мѣрные люди“, всего „одинъ или два лица“, сдѣлались предводителями церковнаго раздѣленія и, увлекши за собою почти все коринѣское христіанское общество, начали произвольно низлагать съ церковныхъ должностей даже лицъ, поставленныхъ самими апостолами. Результатомъ такого безначалія и своеволія было то грустное явленіе, что „безчестные возстали противъ почтенныхъ, безславные противъ славныхъ, глухие противъ разумныхъ, молодые противъ старшихъ“, и что даже между римскими язычниками имя Христова подвергалось поруганію, благодаря коринѣскому расколу.²⁾

¹⁾ Къ Филад. гл. 11 Ст. VI.

²⁾ Этотъ фактъ передаетъ намъ первое посланіе Св. Кли-мента Римскаго къ Коринѣянамъ. См. гл. I, III, XLVII, LI.

Центрами и органами церковнаго единства св. Игнатій считаль, какъ и должно было, епископовъ частныхъ церквей. Но особенно взоры его были обращены на св. Поликарпа, Епископа Смирненскаго. Св. старецъ предвидѣль, что по смерти его, епископъ смирнскій долженствоваль сдѣлать главнымъ поборникомъ церковнаго единенія и вождемъ христіанства, и потому писалъ ему изъ Трояды: „старайся о единеніи, лучше котораго нѣтъ ничего. . . Какъ кормчимъ нужны вѣтры, или обузваемому—пристань, такъ настоящему времени нуженъ ты. Будь же бдителенъ, какъ подвижникъ Божій. . . Стой твердо, какъ наковальня, на которой бьютъ. Великому борцу свойственно принимать удары и побѣждать. . . Будь еще усерднѣе, нежели каковъ теперь. Вникай въ обстоятельства времени ¹⁾“. — Древнее преданіе свидѣтельствуетъ, что послѣ Св. Игнатія, Поликарпъ Смирнскій дѣйствительно сдѣлался вождемъ единенія малоазійскихъ церквей ²⁾: Онъ свято помнилъ завѣщаніе Игнатія написать посланія ³⁾ къ тѣмъ церквамъ, къ которымъ не успѣль написать самъ Игнатій. ⁴⁾ Слова неистовой языческой черни: „казнить безбожныхъ; искать Поликарпа!“,; просьба враговъ христіанства, чтобы Смирнскій проконсуль не от-

¹⁾ Игнатія посл. къ Поликарп., гл. I, II, III, IV.

²⁾ См. Иеронима. Каталогъ церковн. писателей, гл. 17. —

³⁾ Игнатія посл. къ Поликарп., гл. VIII. —

⁴⁾ Кромѣ посланія Поликарпа къ Филиппійцамъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Иринея. См. Прав. Обзоръ 1861. Декабря Стр. 435.

давалъ христіанамъ тѣла Поликарпова на погребеніе, изъ опасенія, чтобы послѣдніе не стали поклоняться ему вмѣсто Распятаго, весьма ясно свидѣтельствуютъ о нравственномъ вліяніи и авторитетѣ, какими пользовался Св. Поликарпъ не только въ христіанскомъ, но и языческомъ обществѣ. Твердость его духа одивились даже полицейскіе сыщики, искавшіе его¹⁾.

Поразительна для насъ картина церковнаго единенія, какъ оно выразилось въ самомъ фактѣ путешествія Св. Игнатія отъ Антиохіи до Рима. — Идея церковнаго единенія, средоточіемъ котораго былъ Св. Игнатій, обнимала и связывала узами любви и братства два континента, — азіатскій и европейскій: учитель единенія однимъ окомъ смотритъ на Малую Азію, другимъ на Италію; изъ Смирны и Троады онъ пишетъ или заповѣдуетъ Поликарпу писать посланія къ церквамъ малоазійскимъ, убѣждая ихъ блюсти церковное единеніе, и въ то же время пишетъ къ Римлянамъ, то убѣждая ихъ братскую любовь не препятствовать ему запечатлѣть своею кровію истину своего ученія. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что идея христіанскаго единства, братства и любви не стѣснялась разстояніями и различіемъ племенъ²⁾. Живущая сила идеи взаимнаго единенія связывала уза-

¹⁾ См. Окружное посланіе Смирнской церкви въ „переводахъ съ греч.“ Архим. Поликарпа.

²⁾ См. Посл. Апост. 11, 48. — 1-е Посл. Климента Римскаго къ Коринціямъ, вступленіе. — Письмо Діонисія Коринтскаго къ Папѣ (у Евсевія). Церк. Ист. VI, 23.

ми любви, братства, единовѣрія и подчиненія не содѣла какой либо классъ общества христіанскаго, но вообще христіанъ. Св. Игнатій внушаетъ блюсти взаимное единеніе, въ духѣ вѣры и любви, и законосообразность какъ въ классу управляемому въ церкви, такъ и клиру, такъ и управляемому, — народу. Такимъ образомъ эта идея стояла выше сословныхъ различій и интересовъ. Онъ отнюдь не Величіе личнаго единенія Игнатія съ христіанскимъ обществомъ, какъ азіатскимъ, такъ и европейскимъ, — выразившееся въ почетныхъ депутаціяхъ малоазійскихъ церквей, въ торжественныхъ встрѣчахъ, въ свиданіяхъ и проводахъ, которые дѣлали св. узнику азіатскіе и европейскіе христіане, — изумило даже одного ученаго язычника, сатирическаго писателя П. в., Лукіана. „Когда Перегринъ, рассказываетъ онъ, былъ заключенъ въ темницу, какъ христіанинъ: то депутаты церквей азіатскихъ были посланы къ нему для утѣшенія и съ денежною помощію. Съ развѣтомъ дня старухи, вдовы и молодыя сироты уже стояли у дверей его темницы; болѣе знатные христіане подкупали даже сторожей и проводили у него цѣлыя ночи; тамъ они составляли свои вечера, читали у него свои священныя книги, однимъ словомъ — любезный Перегринъ былъ для нихъ ничемъ не меньше, какъ второй Сократъ, — „Невѣроятная вещь, говорится далѣе, — какъ быстро эти люди поспѣваютъ вездѣ, когда дѣло касается ихъ общества. — Они не щадятъ ни трудовъ, ни издержекъ¹⁾“.

¹⁾ О смерти Перегринна 13. X. м. 11. года звитсѣ ()

Да, Лукіану нельзя было не удивляться взаимной христіанской любви и единенію; потому что языческой міръ не зналъ такой всеобъемлющей идеи нравственнаго единенія. Онъ умѣлъ объединять уставами военной дисциплины миллионы разноплеменныхъ воиновъ и вести ихъ за тысячи верстъ на поле битвы; онъ умѣлъ политическими мѣрами сплотить на неизмѣримомъ пространствѣ разноплеменныя территории около „вѣчнаго города“; но собственно нравственнаго единенія, подобнаго единенію, которое проповѣдывалъ и осуществилъ въ концѣ своей жизни Св. Игнатій Богоносецъ, мы не найдемъ ни въ судилищахъ ареопага, ни въ школахъ языческихъ философовъ: оно принадлежитъ христіанству.

„Сократу, — говорилъ въ свое время одинъ изъ христіанскихъ читателей¹⁾ этого мудреца, — никто не повѣрилъ такъ, чтобы рѣшился умереть за его ученіе; напротивъ Христу, Котораго отчасти позналъ и Сократъ, повѣрили не только философы и ученые, но и ремесленники и вовсе необразованные, презирая и славу, и страхъ, и смерть, потому что все это производитъ сила неизреченнаго Отца, а не средства человѣческаго разума²⁾“.

„Перегринъ, говорилъ также въ свое время Лукіанъ, — былъ для христіанъ ничѣмъ не меньше, какъ второй Сократъ“. Языческой сатирикъ могъ бы, подобно Іустину, для контраста добавить, что

1) Іустина Апол. 1 гл. V; Апол. II гл. III, VII, — X.

2) Іустина Апол. 11, гл. X.

въ темницѣ лучшаго изъ языческихъ мудрецовъ умѣли выразить уваженіе и сочувствіе къ узнику не вообще язычники, но только нѣкоторые изъ его любимыхъ учениковъ, — стражъ темничный, да жена заключеннаго съ младшимъ сыномъ⁴⁾, тогда какъ заключеннаго Перегринна навѣщали вообще христіане, и не только знатные изъ нихъ, но даже старухи, вдовы и молодыя сироты.

Пламенно желалъ Св. Игнатій запечатлѣть свою любовь къ Искупителю и истину своего ученія мученическимъ подвигомъ. Но онъ опасался, чтобы необыкновенная любовь къ нему христіанскаго народа, особенно христіанъ римскихъ, которые уже были увѣдомлены объ осужденіи епископа Антіохіи чрезъ пришедшихъ въ Римъ Антіохійцевъ, не воспрепятствовала какимъ либо образомъ и вѣроятнѣе всего силою общей христіанской молитвы его пламенному желанію. По этому, чтобы устранить предполагаемыя препятствія на пути къ мученическому вѣдцу, Св. Игнатій написалъ изъ Смирны посланіе къ Римлянамъ, которое было послано въ Римъ 24 Августа 107 года съ нѣкоторыми изъ ефесскихъ, сопровождавшихъ св. узника. Послы должны были отправиться къ мѣсту назначенія кратчайшимъ путемъ и еще прежде отбытія Св. Игнатія изъ Смирны. Вотъ въ какихъ трогательныхъ и вмѣстѣ возвышенныхъ выраженіяхъ Св. Игнатій увѣщаетъ римскихъ христіанъ не препятствовать его мученическому подвигу: „боюсь

⁴⁾ Эллада В. Венгера Т. 11, стр. 45, 46.

любви вашей, чтобы она не причинила мнѣ вреда... Не дѣлайте для меня ничего, кромѣ того, чтобы я покорень былъ Богу... Только просите мнѣ у Бога внѣшней и внутренней силы, чтобы я не только говорилъ, но и желалъ, чтобы не назывался только христіаниномъ, но и на самомъ дѣлѣ былъ... Я пишу всѣмъ церквамъ и всѣмъ свидѣтельствую, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете. Умоляю васъ: не оказывайте мнѣ неумѣстной любви. Оставьте меня сдѣлаться пищею звѣрей и посредствомъ ихъ достигнуть Бога, я пшеница Божія: пусть измельчатъ меня зубы звѣрей, чтобъ я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Божиимъ. Лучше приласкайте звѣрей, чтобъ они сдѣлались гробомъ моимъ, и ничего не оставили отъ моего тѣла, дабы и по смерти не быть мнѣ кому либо въ тягость. О если бы не лишиться мнѣ приготовленныхъ для меня звѣрей. Я люблю, чтобъ они скорѣ бросились на меня, Я буду ласками манить ихъ, чтобъ они то часъ же пожрали меня, а не такъ, какъ случилось съ нѣкоторыми, къ коимъ они побоялись прикоснуться. Если же добровольно не захотятъ,—я принужу ихъ. Простите меня, я звѣю, что для меня полезно. Теперь только починаю быть ученикомъ. Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержитъ меня придти къ Іисусу Христу. Огонь и крестъ, толпы звѣрей, разсѣченіе, расторженіе, раздробленія костей, отсѣченіе членовъ, сокрушеніе всего тѣла, лютыя муки діавола пусть придуть на меня, только бы достигнуть мнѣ Іисуса Христа... Его ищу,

умершаго за насъ, Его желаю, за насъ воскресшаго. Простите мнѣ, братіе! Не препятствуйте мнѣ войти въ жизнь, не желайте мнѣ смерти (то есть духовной): Хочу быть Божиимъ, — не отдавайте меня міру. Позвольте мнѣ быть подражателемъ страданій Бога моего. Кто самъ имѣетъ Его въ себѣ, тотъ пойметъ, чего желаю я, и окажетъ мнѣ состраданіе, видя, чѣмъ я занятъ... Зависть да не обитаетъ въ васъ, и еслибы я даже лично сталъ просить васъ (объ иномъ), не слушайте меня, а вѣрьте болѣе тому, о чемъ пишу вамъ. Живой пишу вамъ, горя желаніемъ смерти. Моя любовь распялась, и нѣтъ во мнѣ огня, любящаго вещество, но вода живая и говорящая во мнѣ, изнутри зоветъ мнѣ: “иди къ Отцу“. Молитесь о мнѣ, чтобы я достигъ. Не поплоти я написалъ вамъ это, но по волѣ Божіей¹⁾.”

Эти слова диктовало Св. Игнатію чувство высокоаго христіанскаго героизма. “Пишу всѣмъ церквамъ и всѣмъ свидѣтельствую, что добровольно умираю за Бога... Буду ласками манить звѣрей, чтобы они тотчасъ же пожрали меня. Если же добровольно не захотятъ, — я принужу ихъ... Живой пишу вамъ, горя желаніемъ смерти“. — Св. Игнатію не пришлось ласками манить и принуждать звѣрей: голодные звѣри, какъ увидимъ, въ одну минуту растерзали его. Но бывали примѣры, что исповѣдники насильно обращали на себя звѣрей,

¹⁾ Игнатія посл. къ Римлянамъ. Д. См. Праслав. Обзор. 1861 Декабрь.

если тѣ оказывались кроткими. Такъ „Окружное посланіе Смирнской церкви“ повѣствуетъ о христіанскомъ героизмѣ одного молодого христіанина, по имени Германика. Тщетно Смирнскій проконсуль убѣждалъ Германика пожалѣть о своемъ возрастѣ и отречься отъ Христа: въ отвѣтъ на всѣ увѣщанія и угрозы молодой христіанинъ насильно обратилъ на себя звѣря. — Огонь и крестъ, толпы звѣрей, — словомъ всѣ муки діавола не страшны были для св. исповѣдниковъ, искавшихъ соединенія со Христомъ чрезъ мученическій подвигъ. Св. Поликарпъ Смирнскій принялъ у себя полицейскихъ сыщиковъ, какъ гостей, а на увѣщанія и всевозможныя угрозы проконсула отвѣчалъ: „уже восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Христу, — и Онъ ничѣмъ не обидѣлъ меня: какъ же могу хулить Его, моего Царя и Спасителя?: и съ радостію легъ на пылавшій костеръ, прося язычниковъ не брать на себя излишняго труда притвождать его¹⁾).

Такіе и подобныя примѣры христіанскаго героизма приводили въ совершенное недоумѣніе многихъ язычниковъ. „Что воодушевляетъ всѣхъ христіанъ презирать самый міръ и не страшиться смерти?“ спрашивалъ у одного христіанина язычникъ Діогнетъ²⁾. „Смотрите, говорили другіе, какъ христіане любятъ другъ друга и готовы умереть одинъ за другаго³⁾!“ — Чувство изумленія предъ христіанскимъ героизмомъ обратило ко Христу

¹⁾ См. „Переводы съ Греч.“ Архим. Поликарпа.

²⁾ См. Посланіе къ Діогнету.

³⁾ См. Апол. Тертуліана.

отъ кровавыхъ языческихъ алтарей многихъ даже изъ лучшихъ и образованныхъ язычниковъ. Таковы: Св. Іустинъ философъ, Таціанъ, Феодилъ Антиохійскій, Тертуллианъ и др. Но большая часть язычниковъ считала христіанскій героизмъ фанатизмомъ и безуміемъ послѣдователей „варварской и плебейской религіи“. — „Эти бѣдные люди, говорили о христіанахъ языческій сатирикъ Лукіанъ, убѣдились, что они бессмертны по тѣлу и по душѣ и будутъ жить вѣчно; посему то презираютъ смерть и многіе изъ нихъ вызываются на нее добровольно!“ — „Убивайте уже всѣ сами себя, говорили насмѣшливо язычники, — и отходите къ Богу, и насъ избавьте отъ хлопотъ!“ — „Убивать себя, отвѣчали христіанскіе апологеты, противно волѣ Божіей и законамъ природы“. — Да, помня слова Спасителя: „если гонять васъ въ одномъ городѣ, — бѣгите въ другой“, церковь съ первыхъ же поръ стала осуждать въ христіанахъ ихъ простиравшуюся иногда до излишества готовность умирать мученически и, какъ показываютъ факты, не только не осуждала, но иногда даже одобряла благоразумное уклоненіе христіанъ отъ мученичества, если того требовало благо христіанскаго общества. За то если христіанское желаніе мученичества было чуждо крайности фанатизма, если мотивами благочестивой ревности св.

1) Лукіана, — „О смерти Переприна.“, гл. XIII.

2) Іустина, Апол. 2, гл. IV.

3) Тамъ же.

исповѣдниковъ было благо церкви и спасеніе душъ христіанскихъ: то церковь глубоко чтитъ такихъ мучениковъ и давала имъ высокое мѣсто въ обителяхъ небесныхъ.

Недоумѣніе язычниковъ, при взглядѣ ихъ на христіанскій героизмъ,очеръ понятно: они не могли найти въ своимъ мѣтописяхъ и поэмахъ такихъ образцовъ безкорыстнаго, самоотверженнаго и возвышеннаго героизма, какіе представляла имъ современная дѣйствительность. Языческіе герои-патріоты, герои-мудрецы и пр., далеко не герои христіанскіе. Величайшимъ героемъ языческаго міра по справедливости признаютъ Сократа. Дѣйствительно, не возможно читать предсмертныхъ рѣчей аѳинскаго мудрица, безъ искренняго удивленія къ этому мученику за свои убѣжденія и безъ негодованія къ его врагамъ: такъ много въ его бесѣдахъ спокойствія, безстрашія и довѣрчивости въ виду смерти; такъ много въ нихъ, скажемъ болѣе, родственнаго и сочувственнаго съ христіанствомъ! Но если сличить повѣсть о послѣднихъ дняхъ жизни Сократа съ повѣстью о мученичествѣ Св. Игнатія; то окажется, что героизмъ языческаго мудреца и праведника, безвинно, по признанію самыхъ христіанскихъ Апостоловъ, принесеннаго на кровавый алтарь языческой нетерпимости¹⁾, далеко ниже и блѣднѣе героизма христіанскаго пастыря Антіохіи. На совѣтъ одного изъ своихъ учениковъ, по имени Критона, — бѣжать въ Фессалію

¹⁾ Иустина, Апол. II, 3, 7, 10.—Татиана, Апол., гл. 3.

къ друзьямъ, — мудрецъ отвѣтилъ, что такой поступокъ несообразенъ съ его достоинствомъ и противенъ законамъ; а на восклицаніе другаго ученика — Аполлодора: „О, боги всемогущіе! За что же ты долженъ умереть невиннымъ?“ — возразилъ: „Ужели ты хотѣлъ бы, чтобы я встрѣтилъ смерть виновнымъ?“ Въ этихъ словахъ Сократа конечно слышится высокое сознание своего достоинства, но языческое сознание личнаго достоинства близко граничило съ эгоизмомъ. Сократъ отвергаетъ только недостойный его поступокъ, — христіанскій папстырь отвергаетъ даже молитвенную или нравственную препону своей готовности умереть за Христа; слова перваго отзываются нѣкоторымъ эгоизмомъ, — предсмертныя посланія втораго дышатъ глубочайшимъ смиреніемъ, которое боится даже тщеславнаго помысла¹⁾

Кромѣ признанія правоты своего дѣла, героизмъ аѳинскаго мудреца воодушевлялся его вѣрой въ безсмертіе. „Что такое смерть?“ говорилъ философъ. „Ночь счастливѣйшаго покоя, какой мы когда либо вкушали здѣсь и въ самыхъ нашихъ сновидѣніяхъ; или свиданіе съ героями почтенной древности, гдѣ ужъ ничто не помѣшаетъ намъ жить духомъ, и гдѣ откроется намъ путь удобный къ безконечному сомоусовершенствованію²⁾“. Языческій міръ, кажется, не представлялъ болѣе свѣтлой вѣры въ безсмертіе души. Но какая разница

1) Игнатія посл. къ Тралл. IV.

2) Эллада, В. Вегнера, Т. II, стр. 45, 16.

между чаяніями загробной жизни афинскаго философа и антиохійскаго пастыря! Чаенія перваго довольно темны и неопредѣленны: высшее благо нѣтъ для ней отшедшихъ въ елисейскія поля состоитъ въ томъ, чтобы дѣлиться другъ съ другомъ полузабытыми воспоминаніями о своей земной жизни; безсмертіе Сократа — безсмертіе отвлеченное: „Мы идемъ, разлучаясь“ говорилъ Сократъ судьямъ, — „о я-умирать, вы — жить: но никто не знаетъ чья участь лучшая“. — Не таковы чаянія будущей жизни у Св. Игнатія. Онъ твердо знаетъ *камо идетъ*. „Живой пишу вамъ, горя желаніемъ умереть. Моя любовь распялась и нѣтъ во мнѣ огня любящаго вещества, но вода живая, говорящая во мнѣ, взываетъ мнѣ изнутри: „иди къ Отцу!“¹⁾

Исторія первыхъ трехъ вѣковъ христіанства исполнена многоразличными примѣрами христіанскаго героизма. Тертуліанъ имѣлъ полное право доказывать своимъ современникамъ, что христіанство можетъ представить имъ болѣе возвышенныя и благородныя образцы сраженій, борьбы и побѣдъ, нежели языческіе театры и амфитеатры²⁾.

III.

Пребываніе Св. Игнатія въ Троядѣ. — Вѣсть о прекращеніи гоненія въ Антиохіи. — Путешествіе Св. Игнатія по европейскимъ городамъ и морямъ (отъ Трояды до Рима). — Пугеоль. — Вѣсть въ Римъ и его окрестностяхъ о прибытіи Игнатія. — Предсмертная молитва Игнатія. Преданіе его на растерзаніе звѣрямъ. — Заключеніе.
Святому Игнатію хотѣлось долѣе пробыть въ

¹⁾ Игнатія Посл. къ Римл. IV.

²⁾ Тертуліана, „О зрѣлищахъ“, XXIX.

Смирнѣ у Св. Поликарпа. Но такъ какъ войны, которымъ назначено было вести Св. Игнатія, торопились въ Римъ, боясь опоздать къ общественнымъ играмъ; то они заставили Антіохійскаго Епископа растаться съ Епископомъ и христіанскимъ обществомъ Смирны. Изъ Смирны Св. Игнатій прибылъ въ Троаду. Здѣсь онъ утѣшенъ былъ радостною вѣстью, что гоненіе утихло въ его осиротѣвшей паствѣ, съ которою онъ такъ грустно расстался, которую помнилъ во всѣхъ своихъ молитвахъ и о которой просилъ молиться всѣхъ вѣрующихъ. Это радостное извѣстіе еще болѣе придало героизма св. узнику. — Въ такомъ радостномъ настроеніи Св. Игнатій написалъ посланія къ Филадельфіянамъ, Смирвянамъ и къ Поликарпу. Содержаніе и значеніе этихъ посланій такое же, какъ и посланій, писанныхъ имъ въ Смирнѣ. — Особенность первыхъ состоитъ развѣ въ томъ только, что въ концѣ каждаго изъ нихъ Св. Игнатій проситъ христіанъ, особенно Поликарпа, сорадоваться Антіохійцамъ и утѣшить ихъ.

Изъ Троады Св. Игнатій „внезапно, по волѣ начальства¹⁾“ отплылъ (Троада находилась между Средиземнымъ моремъ и древнею Пропонтидою) въ Неаполь, а потомъ въ Филиппы: оба эти города древней Македоніи находились при Средиземномъ морѣ. По европейскому континенту, чрезъ Македонію и Эпиръ, Св. Игнатій шель пѣшій, а въ Епидамнѣ (н. Дураццо) снова сѣлъ на корабль, и

¹⁾ Игнатія посл. къ Поликарпу, гл. VIII.

черезъ Адриатическое и Тиррейское море поплылъ въ Италію. Онъ уже не могъ останавливаться въ прибрежныхъ итальянскихъ городахъ, потому что воины спѣшили къ общественнымъ играмъ. Но вотъ показался издали прибреженный городъ ПUTEОЛЫ (въ Компаніи, Н. Пуццоло)— тотъ самый городъ, изъ котораго когда-то Св. Апостоль Павелъ шель пѣшій до Рима, въ положеніи узника. Антиохійскому узнику весьма желалось пройти по стопамъ Апостола Павла; но частію указанная нами причина, а главное— сильный вѣтръ, не допустившій корабля до берега, не дозволили исполниться желанію Игнатія.—Отъ Путеоль Игнатій въ одни сутки прибылъ въ Порто. Этотъ портовый городъ (Portus Romanus),—знаменитый каедрой Св. Ипполита,—находился на правомъ рукавѣ рѣки Тибра, неподалеку отъ Рима.

Между тѣмъ въ Римѣ и его окрестностяхъ распространилась вѣсть о прибытіи Игнатія. Римскіе и другіе христіане торжественно встрѣчали доблестнаго воина Христова; но это торжество скорѣе было траурное, нежели побѣдное. Христіанское чувство возмущалось кровавыми зрѣлищами, которыя доставляли верхъ удовольствія языческому обществу; поэтому нѣкоторые изъ христіанъ рѣшились было уговорить народъ не участвовать въ кровавомъ зрѣлищѣ казни праведника. Но св. Игнатій умолялъ ихъ изъ любви къ нему не дѣлать этого. Св. Пастырь, вмѣстѣ съ присутствовавшими христіанами, преклонилъ колѣна и произнесъ предсмертную молитву Сыну

Божію. Предметомъ молитвы было благосостояніе церкви, прекращеніе гоненія и взаимная любовь между христіанами. — Едва только Игнатій вступилъ въ Римъ, какъ тотъ часъ же былъ отведенъ въ амфитеатръ и преданъ звѣрямъ: голодные звѣри въ одну минуту растерзали и съѣли его. Остались только твердѣйшія части его тѣла. Вѣрующіе собрали ихъ и отправили изъ Рима въ Антіохію. Мы, видѣвши это собственными глазами, такъ заключають повѣствователи о мученичествѣ Св. Игнатія, — всю ночь провели дома въ слезахъ, и съ колѣноприклоненіемъ и молитвою просили Господа утѣшить насъ по случившемуся. Когда мы потомъ не много заснули, нѣкоторые изъ насъ увидѣли, какъ Св. Игнатій вдругъ являлся къ намъ и обнималъ насъ, другіе видѣли его молящимся за насъ, иные же — облитымъ потомъ, какъ бы послѣ великаго труда, и предстоящимъ Господу. Съ радостію увидѣвши это и сообразивъ сонныя видѣнія, мы воспѣли хвалу Богу, Подателю благъ, ублажали святаго мужа и замѣтили для васъ день и годъ его кончины (20 Декабря 107 года) для того, чтобы, собираясь въ день его мученичества, имѣть намъ общеніе съ подвижникомъ и доблестнымъ мученикомъ Христовымъ“.

Крестonosный путь, пройденный Св. Игнатіемъ Богоносцемъ отъ Антіохіи до Рима уже имѣлъ свое значеніе въ распространеніи и преслѣваніи церкви Христовой, Почти поэтому же пути шель

нѣкогда въ устахъ св. Апостоль Павель, сѣя Сло-
во Божіе. Св. Игнатій, возросшій на почвѣ апо-
стольскаго преданія, въплоть жедалъ подражать
Апостолу языковы. Сѣмя слова его о церковномъ
единеніи, пронесенное во все концы тогдашняго
міра, его какали пота и крови которыми ороси-
лись. „Путь Игнатія“ или римскій тамфитеатръ, не
должны были остаться бесплодными на возраста-
вшей почвѣ христіанства. Если кровь и всехъ
вообще христіанскихъ мучениковъ была, по слову
вамъ Тертуліана, семенемъ церкви Христовой; то
тѣмъ болѣе плодотворна была кровь такого до-
блестнаго мученика Христова, и высокаго учите-
ля церковнаго единенія, каковы Св. Игнатій. Въ-
роятно она возростила не одного изъ тѣхъ вели-
кихъ столповъ церкви, предъ которыми не устоя-
ли такіе представители политеизма, каковы бы-
ли Цельсусъ, Юліанъ богоотступникъ и другіе.

Б. Поликарповъ.

Престолоносный мѣръ, въ которомъ
Богословъ отъ Англичанъ до Рима уже
многочисленныя и преслѣдованія въ
церкви Христовой. Протоколы мѣръ

РИМСКАЯ СИРОТА.

Это было въ царствованіе Клавдія. Наступаль вечеръ; въ предмѣстїи Рима, упоеннаго праздниками собранія винограда, столь торжественными въ тѣ времена, уже темнѣло; нѣ знаменитомъ городѣ уже слышны были предлюди ночныхъ пировъ, плясокъ, игръ, которыми богатые римляне провожали захожденіе солнца.

Посреди всеобщаго разгула, два человека уединенно сходили съ вершины холма и пройдя мимо храма Діаны, фонтана Фавновъ, капища свободы, на стѣнахъ котораго былъ начертанъ уголовный сводъ законовъ, осуждающихъ невѣрныхъ Весталокъ, они подошли къ богатому дому, въ которомъ царствовало величайшее спокойствіе; невольникъ, прикованный возлѣ собачьей кануры отворилъ дверь по знаку посѣтителей, и старый отпущенникъ (что было замѣтно по его фригійскому головному убору) ввелъ ихъ во внутренность дома — Дочь моя Приска одна? спросилъ старшій изъ посѣтителей.

— Съ нею Прискилла, отвѣчала служитель.

— Хорошо Аккила, проводи насъ къ ней.

Они прошли обширную но слабоосвѣщенную галерею, гдѣ древнія картины, атрибуты консульскаго достоинства, гербы и арматуры ясно показывали знатность рода обитателей этого дома. Въ концѣ галереи была дверь изъ лимоннаго дерева. Аккила отворилъ ее и ввелъ посѣтителей въ

гинской, или говоря роднымъ языкомъ, теремъ Приски.

Комната ея была просторна, но въ ней напрасно стали бы искать предметовъ роскоши; изгнанная изъ нея римская мода не украшала ее ни изваяніями Греціи, ни обоями Азіи, ни хрустальными вазами,—этими обломками покоренныхъ странъ, коими римскія дамы наполняли свои покои; простота первобытнаго Рима господствовала въ этомъ смиренномъ пріютѣ, гдѣ молодая и прекрасная Приска, пряла шерсть, сидя подлѣ своей кормилицы Прискиллы. Такова была нѣкогда Лукреція, казавшаяся прелестнѣе въ своемъ трудолюбивомъ пріютѣ, нежели другія Римлянки въ шумныхъ пиршествахъ. Это было изображеніе Лукреціи, но подобіе было юнѣе, прекраснѣе и милѣе своего оригинала. Узнавъ одного изъ посѣтителей, Приска подошла къ нему.

Это вы Антоній, другъ моего отца? произнесла она съ почтительнымъ поклономъ. Что доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя въ столь поздній часъ?

— Дочь моя, сказалъ консулъ, положивъ руку на голову Приски. Мнѣ надо сообщить тебѣ важную вѣсть, и потому то, чтобъ прійти къ тебѣ, другъ мой и я ждали, пока любопытные и праздные болтуны усядутся за вечерній столъ. При словахъ *другъ мой*, Приска, взглянула на человѣка, сопровождавшаго ея опекуна: на немъ не было римской тоги и ни одного изъ знаковъ, облакавшихъ въ древнемъ обществѣ людей свободнаго состоянія и знат-

наго происхожденія, но всё въ нёмъ дышало какою то презрительною надменностью. Этотъ чловкъ не былъ ни сенаторъ, ни консулъ: онъ былъ чѣмъ то могущественнѣе всего этаго. Ты узнаешь Нарциза, дитя мое? она поклонилась. Нарцизъ другъ, при нёмъ можемъ мы говорить смѣло, продолжалъ Антоній. Они сѣли. Прискилла отошла въ сторону, глядя съ материнскою нѣжностію на свою возлюбленную питомицу. Консулъ началъ говорить ласковымъ голосомъ, играя покрываломъ и доконами своей питомицы.

Ты знаешь, сказалъ онъ, сколько съ ранняго дѣтства заботился я о твоёмъ воспитаніи и твоихъ удовольствіяхъ. Когда по смерти твоего отца, падшаго со славою въ войнѣ съ Германіею, Сенатъ принялъ подъ свое покровительство осиротѣвшую Римлянку, какъ близкій твой родственникъ, другъ твоего отца и одноплемникъ твой, я избранъ былъ опекуномъ твоимъ и съ той минуты принесъ богатъ клятву быть для тебя истиннымъ отцомъ. Я сберегалъ и улучшалъ твое состояніе, далъ тебѣ учителей грамматики, исторіи, поэзіи; и всѣ эти ученые—рабы твои, я купилъ ихъ съ великими издержками на торжищахъ Греціи, ввѣрилъ управление твоего дома освобожденнымъ отъ рабства служителямъ Аккилѣ и Прискилѣ, людямъ драгоценнымъ своею вѣрностію, наконецъ я окружилъ тебя попеченіями и нѣжностью; но подвигъ мой можетъ почестся конченнымъ только тогда, когда я достойнымъ образомъ устрою твою судьбу, передавъ благородному супругу сокровище мнѣ

вѣренное. Ты достигла уже возраста, въ которомъ возлагается вѣнецъ брачный на дѣвицы твоего рода, и я пришелъ предложить тебѣ союзъ, превышающій всѣ мои мечты и надежды! Говорите Нарцизь.

— Имперетрица Мессалина скончалась, сказалъ рабъ Клавдія (которому цезарь въ ознаменованіе своихъ милостей даровалъ свободу) и я присланъ предложить благородной Прискѣ руку Цезаря; Палась предлагаетъ Агрипину, Калість поддерживаетъ Лолилу Паулину, но пусть Цезарь только увидитъ Приску и у нея не будетъ соперницъ.

— Слышишь дочь моя? Тронь, Имперія! Клавдій старъ, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ навѣрное отойдетъ къ богамъ, права Британика уничтожаются преступленіями его матери и родъ твой воарится на тронѣ! Благодари Нарциза, дочь моя, общай твое расположение и подпору!).

Онъ говорилъ, но молодая дѣвушка не слушала его; яркій румянецъ неудовольствія покрывалъ ея лице, тайнымъ негодованіемъ сверкали глаза ея; но это чувство не высказалось. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, она отвѣчала спокойнымъ тономъ: благодарю васъ, Нарцизь, и васъ Антоній, но я не хочу выходить за мужъ.

Нашимъ читателямъ безъ сомнѣнія известна власть какую имѣли надъ владыками развращеннаго Рима рабы освобожденные ими. Нарцизь, Палась и Калість были полными властителями Клавдія и слѣдственно властителями мира, пресмыкавшася у ногъ Клавдія.

— Что ты говоришь, дочь моя? вскричала консуль вня себя отъ удивленія, что это за ребячество? эта шутка недостойна подобной тѣбѣ дѣвицы.

— Почтенный опекунъ, это не шутка, а выраженіе моей задушевной мысли, моей самой твердой рѣшимости; я не выйду замужъ.

— Цезарь вамъ не нравится... Но онъ ужъ очень старъ... проговорилъ Нарцизь, тихимъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Если бы я вышла за Цезаря, я чтала бы въ немъ и старость и царственность. Да, Нарцизь, я не рассчитывала бы на смерть моего супруга. Но никогда ни Клавдій, ни кто другой, Римлянинъ или варваръ не будетъ имѣть правъ на мою дѣвическую свободу; я родилась свободною римскою гражданкою и никто не имѣетъ власти переменить рѣшимость мою въ этомъ отношеніи.

Антоній побагровѣлъ отъ бѣшенства.

— Безумная! ты попираешь ногами свое счастье, честь рода твоего; знаешь ли несчастная, какимъ подозрѣніямъ можетъ подать твой безразсудный отказъ?...

При этихъ словахъ кормилица вздрогнула, веретено выпало изъ рукъ ея, но Приска была спокойна: ея потупленный взоръ покоился на маленькомъ серебрянномъ колечкѣ, постоянно ею носимомъ; на донышкѣ этого кольца былъ выгравированъ лежащій агнецъ со знаменемъ.¹⁾ Наконецъ она подняла глаза на своего опекуна, казалось ожидавшаго отвѣта.

¹⁾ Подобные кольца часто находятъ въ катакомбахъ.

Уже и безъ того, продолжалъ онъ, носились слухи, что ты допускала въ своемъ домѣ распространеніе чужеземнаго суевѣрія и даже сама, быть можетъ, выслушивала вздорные рассказы какого-то жида рыболова или флетщика, не знаю... Давно уже замѣтили, что ты не участвуешь ни въ празднествахъ, ни въ жертвоприношеніяхъ; всѣ удивлялись этому, но никто не могъ вѣрить, чтобы благородная Римлянка, отвергла боговъ предковъ своихъ и поклонялась *человѣку*, осужденному и распятому при Тиверіѣ.

— Я позволяю вѣрить, Антоній, потому что это правда; я *Христіанка!*

Консуль отступилъ при этомъ открытіи.

Да, продолжала она съ невозмутимою твердостью, я христіанка, я обрелась Христу, Божественному Жениху дѣвъ, и вотъ почему, Нарцизъ, вотъ почему, Антоній, я не могу и не желаю быть женою Цезаря.

Но, безрасудная дѣвушка! знаешь ли ты, что есть законы противъ отрекшихся отъ боговъ отечественныхъ?

Приска улыбнулась. Прискилла подбѣжала къ ней, сжала ее въ своихъ объятіяхъ, какъ будто думая защитить ее.

Чего ты боишься? говорила ей въ полголоса молодая героиня, блаженна смерть за имя Христово: „блаженни страждущіе и изгнанные правды ради, ибо тѣхъ (говорить учитель) есть царство небесное.“

Между тѣмъ какъ она говорила такимъ обра-

зомъ, Нарцизъ шепталъ на ухо Антонію.

Она преступница и, по декрету Клавдія, заслуживаетъ казнь; она очень богата; я выпрошу, чтобы вамъ было отдано ея имѣніе, родъ нечестивыхъ не долженъ существовать.

Она такъ молода, такъ прекрасна, сказалъ Антоній съ состраданіемъ.

Но она такъ богата; ваши долги будутъ заплачены. Впрочемъ, предавая ее судіямъ, вы исполняете долгъ добраго гражданина.

— Дочь моя, началъ Антоній, приближаясь, — не губи себя, забудь эту дикую философію, внушающую тебѣ только презрѣніе къ міру и благамъ его и прими снова обладаніе жизнію и радостями ея, прими руку Цезаря, и принеси благодарственную жертву богамъ Имперіи.

— Никогда!

Твое семейство заклинаетъ тебя; воспитатель твоего дѣтства умоляетъ тебя.

Повелѣнія Бога моего для меня священнѣе вашихъ, не настаивайте. Вы услышите все тотъ же отвѣтъ: *я христіанка!*

— И предъ судіями, посреди мукъ, несчастная Прииска, ты будешь всё повторять тоже?

— Уповѣю на милосердіе Божіе, я *немошна* сама по себѣ, но могу быть *всемошна*, если Господь подкрѣпитъ меня.

— Ты безславишь семью свою, благородство крови твоей; ты достойна осужденія по законамъ карающимъ нечестивыхъ и вѣроломныхъ.

— Продайте меня имъ и я буду молить истиннаго

Бога, чтобъ Онъ благословилъ и просвѣтилъ васъ.

Антоній еще колебался, но наущенія Нарциза, виды на обладаніе огромнымъ богатствомъ увлекли корыстолюбиваго и расточительнаго Римлянина. Онъ вышелъ. Нарцизъ послѣдовалъ за нимъ, бросивъ на Приску жестокой и насмѣшливый взглядъ, и четверть часа спустя стражи верховнаго судилища окружили консульскій домъ и юная христіанка была арестована въ домѣ предковъ своихъ.

Черезъ нѣсколько дней раздражающее душу и вмѣстѣ великое зрѣлище происходило въ храмѣ Аполлона. Посреди сонма судей и жрецовъ, молодая дѣвица, или вѣрнѣе сказать дитя, была прикована къ страшному станку, судія осыпалъ ее вопросами.

Рыболовъ ли Петръ, или ученикъ его, научили тебя новой религіи? въ какомъ домѣ приняла ты крещеніе? служители ли твои Аквила и Прискилла отвратили тебя отъ вѣры предковъ твоихъ? Отвѣчай, скажи одно слово! и гнѣвъ Цезаря обратится на тѣхъ, которые довели тебя до преступленія. Отвѣчай!

Но ни одно слово не выходило изъ устъ дѣвы мученицы, она не хотѣла навлечь преслѣдованіе ни на Святаго Апостола отца своего по вѣрѣ, ни на семейство Пудана,¹⁾ гдѣ получила она первые наставленія въ вѣрѣ Христовой, ни на предан-

¹⁾ Семейство Пудана Сенатора, знамениго въ христіанствѣ. У него святыи Апостолъ Петръ имѣлъ гостепріимный кровъ и средства проповѣдывать Евангеліе.

ныхъ служителей, которые, озарившись сами свѣтомъ Евангелія, принесли своей юной госпожѣ этотъ драгоценный и спасительный даръ. Она молчала съ геройскою твердостью.

Если ты не хочешь говорить, сказалъ судья, то, принеси жертву, дочь моя; брось одно благовонное зерно на треножникъ, курящійся у полножія Аполлона и ты спасена.

— Никогда! повторяла слабымъ голосомъ страдалица, никогда!

Ты страдаешь, твои нѣжные члены раздробляются въ пылкѣ, сжался надъ своею молодостью надъ своею красотою, принеси жертву...

— Никогда!

Пытки удвоились, бичи, пламенѣющіе факелы, кипящее масло смѣнялись одно другимъ, но что значили эти утонченности лютой языческой противъ силы, которою Господь вооружалъ дитя, поборающее во имя Его? Приска улыбалась посреди мученій, будто она видѣла ангеловъ вокругъ орудій пытки, приносящихъ ей отъ Небеснаго Жениха тотъ безсмертный вѣнокъ, въ которомъ лиліи дѣвства сплетаются съ алыми розами мученичества. Мучители не могли вынести ея взора, это кроткое чело казалось имъ ужаснымъ, какъ будто Богъ окружилъ уже его тѣмъ величіемъ, которое, въ послѣдній день обратитъ въ прахъ преслѣдователей въ виду Гонимыхъ.

Довольно, сказали одинъ изъ судей, исполнимъ приговоръ.

Приговоръ былъ исполненъ, голова Приски па-

ла подь мечемъ; ея краткая жизнь увѣнчалась мученичествомъ. Церковь чтить ее какъ первую дѣву мученицу Запада. Римъ цесарскій не существуетъ, но, въ продолженіе 18-ти вѣковъ, вѣрные притекають къ святилищу, воздвигнутому въ домѣ Приски, поклоняются ея драгоценнымъ мощамъ и ободряють себя въ житейскихъ борьбахъ воспоминаніемъ добродѣтелей и мужества этой отроковицы¹⁾.

Перев. съ Франц. А. Ч....

Приска, Прискила и Аквилла, поименованы, въ посланіяхъ св. Апостола Павла; церковь св. Приски есть одно изъ древнѣйшихъ и наиболее чтимыхъ святилищъ Рима и эта знаменитая святая была всегда призываема какъ пет-вомученица Запада.

Р Ъ Ч Ъ

КЪ ВОСПИТАНИКАМЪ ПОЛТАВСКОЙ СЕМИНАРИИ,

при вступленіи въ должность инспектора.¹⁾

Начиная новое служеніе, хочу подѣлиться съ вами, г.г., нѣкоторыми мыслями и чувствами касательно нашихъ взаимныхъ отношеній.

Св. Синодъ назначилъ меня къ вамъ блюстителемъ вашей нравственности. Признавая это назначеніе Божиимъ обо мнѣ изволеніемъ, вмѣстѣ признаю его дѣломъ для меня не легкимъ уже потому, что оно новое. Всякій трудъ, чтобы былъ успѣшенъ, требуетъ опытности трудящагося, а предстояшій мнѣ трудъ не только новъ, но и такъ великъ, что я, при однѣхъ своихъ силахъ, пришелъ бы въ уныніе. Человѣкъ едва, едва преодолеваетъ силы физическія, а направлять силы нравственныя, направлять къ добру, когда у насъ отъ природы есть уже несчастное предрасположеніе ко злу, — это не по силамъ человѣка. Если вы, г.г., въ этой печальной истинѣ еще не испытаны, то должны вѣрить слову Божию, которое въ грозныхъ чертахъ изображаетъ состояніе человѣка, и по ученію котораго требовались немислимыя умомъ человѣческимъ средства къ направленію воли нашей къ добру.

Не многоль я сказалъ? — Не думаю; скорѣе не до-

¹⁾ Произнесена покойнымъ Анагією Сем. Шереметинскимъ 15 Марта 1863 года.

сказаль многого.... Между прочимъ, я не сказалъ еще о томъ, что на мнѣ лежитъ долгъ оцѣнивать ваши нравственные поступки и качества и судъ объ нихъ представлять на усмотрѣніе моего и вашего начальства. Но нравственные дѣянія оцѣниваются не столько внѣшнимъ ихъ выраженіемъ, сколько внутреннимъ значеніемъ. А кто проникнетъ сердце человека? Еще не сказалъ я о назначеніи вашего воспитанія. Быть служителемъ алтаря дѣло, можно сказать, не земное, потому что служителю алтаря посредствуетъ между Богомъ и людьми, между небомъ и землею. И къ этой цѣли идетъ ваше воспитаніе! И къ достиженію этой цѣли я долженъ содѣйствовать вамъ! Трудно!.. Но что трудно для силъ человека, то удобно для силъ людей; чего не могутъ люди, то возможно у Бога. Когда и немощныя силы въ дѣйствіи соединяются во едино, то дѣлаютъ многое, преодолеваютъ препятствія и достигаютъ цѣли.

Но прежде всего, здѣсь сознание своего долга: кто проникнутъ такимъ сознаніемъ, тотъ усердно и добросовѣстно принимается за дѣло. Для васъ, гг., сознание своего долга такъ важно, что даже и званіе духовнаго воспитанника, какъ человека готовящагося къ служенію церкви, безъ такого сознанія немислимо. Кто изъ васъ усвоилъ себѣ сознание долга, тотъ постарается усвоить себѣ и тѣ качества, которыя, какъ истинное украшеніе, приличествуютъ будущему служителю церкви. Между прочими качествами, принадлежащими воспитанникамъ всѣхъ вообще заведеній христіанскихъ,

духовный воспитанникъ долженъ отличаться кротостью, терпѣнiемъ, откровенностiю и довѣрiемъ къ лицамъ, служащимъ дѣлу его воспитанiя. Кажется, нѣтъ нужды объяснять, почему эти добродѣтели христіанскія должны отличать и украшать духовнаго воспитанника: дѣло говоритъ само за себя. Я только прибавлю къ тому, что было бы не къ лицу, если бы изъ сего разсадника православно-христіанскаго просвѣщенiя выходили люди съ образомъ мыслей, или правилами жизни не въ духѣ вѣры и благочестiя: было бы лицемерiе, или наглость, если бы и здѣсь еще воспитанникъ сталъ таить или обнаруживать, а не подавлять инстинкты и наклонности, неприличныя человѣку, какъ существу истинно-сознательному. Нечего и говорить о томъ, что было бы кощунно, если бы ожидаемый проповѣдникъ евангельскихъ истинъ рѣшился питать и обнаруживать идеи, для которыхъ не только никакихъ началъ нельзя найти въ Божественномъ ученiи, но которыя даже противорѣчатъ ему и направлены къ его ниспроверженiю. Такимъ противу-христіанскимъ характерамъ, такому лицемерiю или наглости, особенно же кощунству не мѣсто у св. алтаря, не мѣсто и въ семь святыхъ наукъ.

— Не скорбите, друзья мои, если я высказалъ вамъ такія горькія мысли. Всё онѣ идутъ къ тому, чтобы установить между мною и вами надлежащiя отношенiя. Прежде всего относитесь къ своему долгу съ сознаниемъ и уваженiемъ, скромно и терпѣливо, а къ мнѣ — какъ къ вашему искреннему

другу, который готовъ дѣлить съ вами радость и горе; при этихъ условіяхъ каждый изъ васъ встрѣтитъ во мнѣ истинное радушіе и готовность на совѣтъ и помощь; только и я въ каждомъ изъ васъ желаю встрѣчать откровенность и довѣріе.

Правда печальная, что со всеми общими нашими силами мы все таки мало, или ничего не успѣемъ въ томъ, къ чему стремимся; потому что цѣль стремленія такъ высока, какъ высоко будущее ваше служеніе, но повторяю: — гдѣ не достаетъ силъ человѣческихъ, тамъ совершается и довершаетъ сила Божія.

Итакъ, у насъ задатковъ добраго будущаго много; съ вашей стороны сознаніе своихъ обязанностей, кротость, терпѣніе, откровенность и довѣріе; съ моей — употребленіе всѣхъ силъ, какія еще остались во мнѣ, на пользу вашу; наконецъ со стороны Всемогущаго Бога — Его безконечная милость, наставляющая, укрѣпляющая и радующая всѣхъ ищущихъ ея.

Какъ ни труденъ предстоящій мнѣ долгъ, я буду нести его, какъ что благое и легкое, — съ радостью, если вы, друзья мои, будете сочувствовать и содѣйствовать моимъ стремленіямъ, — съ радостью, впрочемъ, не безраздѣльною съ вами: прежде всего она будетъ принадлежать вамъ, какъ виновникамъ радости.

Уповаю на Бога, что при Архипастырскомъ благословеніи Отца и Покровителя нашего заведенія, при совѣтахъ ближайшаго нашего Начальника, и между вами и мною будутъ существовать правиль-

ныя и искреннія отношенія. И да поможетъ намъ Господь постоянно поддерживать и хранить такія отношенія!...

Анаѣя Шереметинскій.

Прощальная рѣчь къ окончившимъ курсъ ученія воспитанникамъ Полтавской Духовной Семинаріи.¹⁾

Прошло два года съ небольшимъ, когда я, въ первый разъ пришедши къ вамъ, мои друзья, нашелъ нужнымъ заявить вамъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ должно идти воспитаніе духовнаго юношества, и объ отношеніяхъ, какія должны существовать между воспитателями и воспитанниками.

Вы, друзья мои, поняли эту задачу, приняли ее къ сердцу и рѣшили удовлетворительно, даже болѣе этого. Сорадуюсь вамъ и привѣтствую васъ съ честію, что съ васъ началось нравственное, какъ и умственное обновленіе нашей Семинаріи. Недаромъ еще тогда, не зная васъ, назвалъ я васъ моими друзьями. Мое сердце чувало, что мы поймемъ другъ друга, будемъ сочувствовать и содѣйствовать общему нашему дѣлу; и вы поняли, сочувствовали и содѣйствовали. Теперь я имѣю даже право и долгъ называть васъ не въ словѣ, но и въ глубинѣ сердца моими друзьями.

Отсель вы не принадлежите болѣе школь, вы идете отъ насъ въ свѣтъ. Идите съ Богомъ и не-

¹⁾ Произнесена покойнымъ Анаѣіею Сем. Шереметинскимъ 18 Іюня 1867 года.

сите туда свѣжій запасъ своихъ силъ и образова-
нiя на пользу общiю: свѣтъ ожидаетъ въ васъ
новыхъ свѣжихъ дѣятелей на поприщѣ общест-
венной жизни, а св. Церковь — новыхъ ревностныхъ
служителей человѣческому спасенiю. Въ надеждѣ
на лучшую и плодотворную вашу дѣятельность
въ будущемъ, какъ слѣдствiе и плодъ вашихъ не-
утомимыхъ трудовъ въ семъ заведенiи, мы расста-
емся съ вами, какъ истые друзья; но растаемся
только видимо, а не духомъ. Что касается меня, —
воспоминанiе объ васъ сохраню въ душѣ моей
навсегда, и это воспоминанiе будетъ для меня
усладой въ часы неизбѣжныхъ тревогъ, смущенiй
и скорбей. И, если Господь еще продлитъ мое
служенiе здѣсь, я буду называть вашъ курсъ, въ
отличiе отъ другихъ, *добрымъ* курсомъ.

Прости же, добрый курсъ, и прими отъ меня
нѣсколько послѣднихъ напутственныхъ словъ.

Ошибочно думать, что съ выходомъ изъ школы
окончилось ваше воспитанiе; въ сущности оно
должно продолжаться и во всю жизнь. Съ точки
зрѣнiя христіанской, единственно вѣрной, вся
жизнь человѣческая на землѣ есть время непре-
станнаго приготовленiя къ вѣчности, слѣдователь-
но и непрестаннаго воспитанiя, пока достигнетъ,
по ученiю Апостола, *въ мужа совершенна, въ мѣру
возраста исполненiя Христова*. ¹⁾ Такъ значить,
ваше воспитанiе не должно закончиться здѣсь; внѣ
школы оно только прiиметъ другую форму, — изъ

¹⁾ Ефес. IV 13.

воспитанія подь руководствомъ другихъ перейдетъ въ самовоспитаніе, разумѣю относительное;—ибо и въ жизни часто нужны совѣтники и руководители и—дай вамъ Господи—разумныхъ, благонамѣренныхъ совѣтниковъ и руководителей. Такъ значитъ, вы только окончили одинъ и вступаете въ другой періодъ одной и тойже жизни—одной и тойже работы воспитанія и приготовления къ вѣчности; значитъ, вы рѣшили доселѣ одну половину одной и тойже задачи жизни. Въ настоящее время иначе и быть не можетъ, когда и наука время отъ времени становится жизненнѣе, и жизнь—разумнѣе; жизнь и наука начинаютъ входить одна въ другую, одна другую пояснять и пополнять. Для васъ самовоспитаніе постоянное, разумное, въ духѣ православія, есть сугубый долгъ; потому что изъ среды васъ самая большая часть скоро станутъ пастырями—воспитателями народа. Вамъ понятно на сколько всякій воспитатель, тѣмъ болѣе воспитатель—пастырь долженъ возвышаться умомъ и сердцемъ надъ воспитываемыми, вамъ, поэтому понятна вся необходимость самовоспитанія. Да поможетъ вамъ Господь Богъ совершить и періодъ самовоспитанія и воспитанія другихъ такъ же, какъ видимо помогаль вамъ доселѣ—въ періодъ вашего собственнаго воспитанія! О, еслибъ и вы, будущіе пастыри Церкви, пройдя поприще воспитанія и самовоспитанія, т. е. цѣлое поприще жизни, могли съ Апостоломъ сказать: *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченне скончашь, втру соблюдохъ; прочее убо соблюдается ми вѣнецъ правды,*

егоже воздасть ми Господь въ день оный! 1)

Сего прежде всего желаю вамъ, друзья мои, потому—будьте счастливы въ жизни на столько, на сколько возможно это на землѣ. Прибавлю къ сему старую истину, что счастье—вещь условная, что безъ добродѣтели счастье невозможно, что съ добродѣтелью и несчастье теряетъ силу гнета. По этому, и ради вашего счастья сохраните въ себѣ зачатки нравственного добра, мало того, при помощи Божіей, старайтесь приумножать его въ себѣ, какъ талантъ, данный вамъ отъ самаго Господа. Добро нравственное безъ развитія и приумноженія перестаетъ быть добромъ 2). Заклучу все это словами Спасителя: *ищите прежде Царства Божья и правды Его, и ся вся — блага жизни приложатся вамъ.* 3)

Послѣ сихъ искреннихъ благожеланій вамъ, прошу и съ вашей стороны исполнять заповѣдь апостольскую: *поминайте наставники ваша.* Поминайте и меня въ молитвахъ вашихъ, когда сподобитесь предстоять Престолу Божію.

Простите!

Анааня Шереметинскій.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА.

Въ уваженіе пятидесятилѣтняго достославнаго архіерейскаго служенія митрополита Московскаго, высокопреосвященнаго Филарета, Всевышнимъ Промысломъ сохраненнаго

1) Тим. IV, 7—8.

2) Апост. III, 16.

3) Матѣ. VI, 33.

Россіи до глубокой старости на пользу, славу и украшеніе православной церкви, Его Императорскому Величеству благоугодно было разрѣшить торжественное празднованіе его юбилея въ Москвѣ и Свято-Троицкой Сергіевской Лаврѣ, и повелѣть, чтобы во всѣхъ духовно учебныхъ заведеніяхъ Имперіи было совершено въ этотъ день молебствіе о здравіи знаменитаго іерарха.

Въ Лавру и наканунѣ и сегодня было отправлено нонѣ-скольбу экстренныхъ поѣздовъ, и много богомольцевъ собралось туда изъ окрестныхъ селеній и изъ губерній Владимірской и Ярославской. Тамъ торжественное богослуженіе было совершено сегодня въ обоихъ соборахъ; но самъ юбиляръ присутствовалъ при богослуженіи въ своей домашней церкви, гдѣ и причащался Святыхъ Таинъ. Въ Троицкомъ соборѣ литургію совершали три Архіерея, всѣ начавшіе служеніе винаріями Московскаго митрополита: Филофей Архіепископъ Тверскій и Кашинскій, Савва епископъ Полодкій и Витебскій, Леонидъ, епископъ Дмитровскій, послѣдній въ томъ самомъ омоворѣ въ которомъ былъ хиротонисанъ въ 1817 году митрополитъ Филаретъ. На молебнѣ къ нимъ присоединился Иринархъ, архіепископъ Рязанскій. Молебенъ былъ совершенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ содуженіи одиннадцати архимандритовъ и трехъ протоіереевъ въ митрахъ (пр. Рождественскій, представитель Святѣйшаго Синода, ректоръ Московской Духовной Академіи и прот. Петербургскаго кафедральнаго собора) и около 30 протоіереевъ, іереевъ и іеромонаховъ. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершали: Нилъ архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, Григорій епископъ Калужскій и Боровскій, Никандръ епископъ Тульскій и Бѣлевскій; на молебнѣ облачились Антоній Архіепископъ Владимірскій, Нектарій архіепископъ Нижегородскій, и Софонія епископъ Новомиргородскій, викарій Херсонскій. На ектеніяхъ возглашались особо для этого дни сочиненныя прошенія.

Послѣ богослуженія всѣ прибывшіе для привѣтствованія митрополита были приглашены въ митрополичьи палаты, гдѣ владыка встрѣтилъ ихъ въ приемной залѣ.

Прежде всего принесено было привѣтствіе отъ лица Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Августѣйшей Фамиліи синодальнымъ оберъ прокуроромъ гр. Д. А. Толстымъ, который вслѣдъ за тѣмъ прочелъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, Высочайшій рескриптъ, имѣющій быть подписаннымъ сегодня въ Ливадіи, а потому еще не подлежащій обнародованію. Въ рескриптѣ упомянуто о неизчислимыхъ заслугахъ архипастыря нетолько для кааедры, которые ему были преемственно ввѣрены, но и для всего православія. Духовное преуспѣяніе паствъ, щедрая поддержка ду-

ховныхъ заведеній Московской Епархіи: созданіе и утвержденіе единовѣрія, пастырскія поученія, опытность въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, наконецъ попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра, простирающееся далеко за предѣлы Отечества, вотъ, еколько запечатлѣлось въ нашей памяти, тѣ заслуги «именитѣйшаго святителя православной церкви, который перечисляетъ Высочайшій рескриптъ. Въ «искреннемъ душевномъ уваженіи» къ этимъ «великимъ» заслугамъ, Его Императорское Величество представляетъ преосвященному митрополиту право по Кіевскому обычаю, предпошенія креста въ священнослуженіи, пошенія креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ. Тутъ же передана была юбиляру и возложена имъ на себя панагія, изготовленная по Высочайшему повелѣнію и украшенная драгоценными камнями, на изящно устроенной брилліантовой цѣпочкѣ, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ вензелей Его Величества и двухъ державныхъ Предшественниковъ Его при которыхъ высокопреосвященный Филаретъ проходилъ свое служеніе вмѣстѣ съ симъ въ вознагражденіе заслугъ собственно государственныхъ «незабвеннаго» служенія при трехъ Императорахъ, Его Величество Всемилостивѣйше соизволилъ препроводить къ митрополиту Филарету, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора, настольные портреты Его Величества и двухъ Его Предшественниковъ, соединенные вмѣстѣ осыпанные брилліантами и украшенные большою Императорскою короной.

Передавъ этотъ драгоценный Высочайшій подарокъ, синодальный оберъ-прокуроръ сообщилъ Владыкѣ митрополиту, что Государь Императоръ, разрѣшая празднованіе настоящаго юбилея, повелѣтъ соизволилъ: совершить 5 августа во всѣхъ православныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Имперіи молебствіе, пригласить ближайшихъ къ Москвѣ архіереевъ: Владимірскаго, Нижегородскаго, Рязанскаго, Тульскаго, Калужскаго и Тверскаго, прибыть въ Москву для привѣтствованія митрополита въ день юбилея¹⁾, представить святѣйшему синоду отправить одного изъ своихъ членовъ въ Москву съ привѣтственною грамотой отъ имени синода²⁾, а синодальному оберъ-прокурору отправиться

¹⁾ Съ этою же цѣлю отправились въ Москву, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, преосвященные Ярославскій, Подольскій и Новомиргородскій.

²⁾ Это порученіе возложено на присутствующаго въ святѣйшемъ синодѣ протоіерея Рождественскаго.

въ Москву для привѣтствованія митрополита отъ лица Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Царствующаго Дома; наконецъ Его Величеству угодно было пожаловать секретаря митрополита орденомъ Владимира 4-й степени, дающимъ, какъ извѣстно, почетное дворянство. Вслѣдъ за тѣмъ графъ Д. А. Толстой, по просьбѣ канцлера Имперіи, передалъ Владыкѣ грамоту полученную отъ митрополита Сербскаго Михаила.

Протоіерей Рождественскій прочелъ привѣтственную грамоту, отъ имени Святѣйшаго Правительствующаго Синода. За тѣмъ принесли поздравленіе десять лично прибывшихъ на торжество преосвященныхъ, а послѣ преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, произнесъ привѣтственное слово отъ имени Московской пастывы, слово, въ которомъ онъ указалъ на преданность пастывы своему архипастырю и на ту неразрывную духовную связь, которая соединяетъ ее съ митрополитомъ. Затѣмъ преосвященный Леонидъ передалъ Владыкѣ поздравительную грамоту отъ Московскаго городскаго духовенства и представилъ депутатовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: члены Московской консисторіи, члены Московскаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія члены Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, поднесшіе новое изданіе извѣстнаго сочиненія Высокопреосвященнаго Филарета: *Записки на книгу Бытія*; архимандритъ отъ необщественныхъ монастырей (Знаменскій), архимандритъ и два игумена общественныхъ монастырей. Угрѣшскій архимандритъ, игумень Давыдовской пустыни и намѣстникъ Саввина монастыря; настоятель Московскаго единовѣрческаго монастыря; благочинные города Москвы и столичныя протоіерей. Московское духовенство, памятуя этотъ день, испросило благословенія на то, чтобы во всѣхъ городскихъ соборахъ Московской епархіи были поставлены иконы св. Филарета Праведнаго, одна изъ такихъ иконъ была подвѣсена депутатами; а также устроены семь стипендій для сиротъ дочерей священно и церковно служителей. Затѣмъ представлялось духовенство уѣздовъ Московской епархіи; отъ города Коломны: архимандритъ, протоіерей и священники церковей Богоявленской, гдѣ 1 января 1783 года было совершено таинство Святаго Крещенія надъ младенцемъ, которому суждено было стать свѣтильникомъ и опорой церкви, и Троицкой церкви при которой митрополитъ Филаретъ провелъ дѣйство въ домѣ своего отца, священника этой церкви.

Послѣ того приносили поздравленіе: Московскій губернаторъ, гр. А. П. Сиверсъ, генералъ адъютантъ генералъ отъ кавалеріи С. В. Перфильевъ, оберъ гофмейстеръ кн. Н. И.

Трубецкой, предводители дворянства Московской губернии. Московскій оберъ-полицеймейстеръ Н. У. Араповъ и быдо передано поздравительное письмо отъ находящагося за границей генералъ-губернатора кн. В. Ал. Долгорукова. Затѣмъ приблизились къ юбилею: Московскій городскій голова съ сословными старшами, поднесши адресъ; депутація церковныхъ старостъ города Москвы представившихъ собранный въ Москвѣ въ память этого дня капиталъ, который долженъ послужить основаніемъ эмеритальной кассы для пенсій духовенству; депутація отъ московскаго купечества, желающая учредить двѣ стипендіи въ Московской духовной академіи; депутація московскаго мѣщанскаго общества; депутаты отъ Сергіевского Посада. Послѣ того представлены были адреса Императорской Академіи Наукъ, испрашивающей разрѣшенія избрать митрополита Филарета, своего ординарнаго академика, въ почетные члены, и Императорскаго Московскаго университета, при чемъ ректоръ, съ деканами факультетовъ, передалъ Владыкѣ митрополиту о соизволеніи Государа Императора на постановленіе портрета его преосвященства въ университетской актовъ залѣ. За университетскою депутаціей слѣдовали другія, поднесшія адреса: отъ Новороссійскаго университета отъ Московской Духовной Академіи отъ С.-Петербургской Духовной Академіи (ректоръ протоіерей Янышевъ); отъ семинарій Петербургской и Московской епархій и друг.

Преосвященный Владыка отвѣчалъ на каждое привѣтствіе, и преподавалъ свое пастырское благословеніе всѣмъ поздравителямъ. По окончаніи приѣма преосвященный, Леонидъ-епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, прочелъ общій отвѣтъ митрополита на всѣ эти привѣтствія. Затѣмъ хозяйнѣ, утомленный долгимъ приѣмомъ, удалился въ свои покои, а посѣтители были приглашены къ обѣду, который былъ накрытъ въ громадной великолѣпной трапезѣ Лавры.

Содержаніе: 1-е. Путь св. Игнатія Богоносца, отъ Антиохіи до Рима. (Окончаніе). 2-е. Римская Сирота. 3-е. Рѣчь къ воспитанникамъ Полтавской Семинаріи, при вступленіи въ должность инспектора. 4-е. Прощальная рѣчь къ окончившимъ курсъ ученія воспитанникамъ Полтавской Духовной Семинаріи. 5-е. Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея митрополита московскаго Филарета.

Редакторъ Прот. Н. Думитрашко.
Печ. дозволяется 1867 г. Сентября 1 дня. Цензоръ Пр. Катриновъ.
Полтава. Въ типографіи бр. Н. и П. Пигуренко.